

DOI 10.15826/qr.2019.1.365
УДК 94(571.1/.5)"17"+343.16+656

ПРАВОСУДИЕ ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ: НЕГАТИВНАЯ ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ*

Евгений Крестьянников

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

JUSTICE ACROSS DISTANCES: THE UNSUCCESSFUL PRACTICE OF MAGISTRATES IN PREREVOLUTIONARY SIBERIA

Evgeny Krestyannikov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

The late nineteenth century was marked by a judicial reform in Siberia which established magistrates' courts: this signified that the judicial system was being adapted to the political regime and space of the country. To make justice more widely available to the population, Siberian magistrates were entrusted responsibilities which they did not have in European Russia. Additionally, they had to conduct site visits to hold court hearings and investigate crimes. The author uses a cross-disciplinary approach and comparative techniques, paying close attention to daily occurrences and micro-historical details while referring to documents of diverse origin: this helps us fully consider the efficiency of the judicial system with regard to magistrates' courts and the trips judges had to make. It becomes clear that employees responsible for the delimitation of sites did not manage to find an optimal way to do this that suited all the requirements and circumstances. In many cases, magistrates had to travel long distances and their trips were troublesome, taking up lots of working hours while also being, on occasion, absolutely unproductive; they had to use different kinds of local

---

* *Citation:* Krestyannikov, E. (2019). Justice across Distances: The Unsuccessful Practice of Magistrates in Prerevolutionary Siberia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 98–114. DOI 10.15826/qr.2019.1.365.

Цитирование: Krestyannikov E. Justice across Distances: The Unsuccessful Practice of Magistrates in Prerevolutionary Siberia // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 98–114. DOI 10.15826/qr.2019.1.365 / Крестьянников Е. Правосудие через расстояния: негативная практика деятельности мировых судей в дореволюционной Сибири // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 98–114. DOI 10.15826/qr.2019.1.365.

transport and communication lines depending on the weather and the season. This form of work led to an increase in red tape and affected the qualifications of the staff, making them treat their work irresponsibly and undermining their moral principles. Trips made by officials did not bring the court closer to the population, which resulted in a lack of attention to the population from the judicial authorities. The latter, in their turn, lacked in human and material resources and did not have an opportunity to change the situation. The heads of regional judicial institutions saw the harmful effect the magistrates' multifunctionality and trips had on justice but could not do anything. The situation started to change after the resignation of N. V. Muravyov, Minister of Justice, who supported the combination of judicial and investigation duties by the magistrates. Overall, the territorial mobility of judicial organs proved utterly ineffective and did not make magistrates' courts more available to the population, thus reducing their productivity. This led to several negative repercussions for the judicial system.

Keywords: Siberia in the late 19th – early 20th century; magistrates' court; judicial duties; communication lines; transport.

Конец XIX в. ознаменовался проведением в Сибири судебной реформы, установившей мировую суд, судебная система приспособлялась к политическому режиму и пространствам страны. Чтобы сделать правосудие более доступным для населения, сибирских мировых судей наделили не свойственными им в Европейской России обязанностями и предписали совершать выезды для проведения судебных заседаний и расследования преступлений. Приложение междисциплинарного подхода и компаративистских методик, приоритетное внимание к повседневности и применение микроисторической детализации, а также использование различных по генезису источников позволяют всесторонне рассмотреть влияние на эффективность деятельности судебной системы организации участков мировой юстиции и условия командировок судей. Служащие, ответственные за определение границ участков, так и не сумели найти оптимальный способ приведения их в соответствие со всеми потребностями и обстоятельствами. Поездки мировых судей бывали дальними, хлопотными, отнимавшими много служебного времени и порой совершенно не результативными; в них оказывались задействованы многие разновидности местных путей сообщения и транспорта, зависящих от климата и времени года. Режим разъездов приводил к развитию волокиты, способствовал падению квалификации работников, формировал у них безответственное отношение к служебным обязанностям, приводя даже к нарушениям нравственных устоев. Совершаемые поездки не приблизили суд к населению, которое испытывало серьезный дефицит внимания судебной власти, в свою очередь, ограниченной в человеческих и материальных ресурсах и лишенной возможности исправить положение. Председатели судебных учреждений края понимали пагубность судейских командировок и многофункциональности для дела правосудия, но не могли ничего поделать. Изменения последовали после ухода с поста министра юстиции Н. В. Му-

равьева, бывшего сторонником совмещения судейских и следовательских обязанностей. Увеличение штата мировых судей в 1911 г. дало возможность разделить несовместимые функции, но не повсеместно. В целом апробированный порядок территориальной подвижности судебных органов зарекомендовал себя наихудшим образом. Не сделав сибирский мировой суд более доступным и уменьшив продуктивность его деятельности, он стал причиной многих негативных явлений в юстиции.

Ключевые слова: Сибирь в конце XIX – начале XX в.; мировой суд; обязанности судей; пути сообщения; транспорт.

Судебная реформа 1864 г. одним из основных назначений имела приближение правосудия к россиянам, а практическое осуществление этой задачи возлагалось в первую очередь на мировую юстицию. Независимая, с несменяемыми выборными судьями и собственными съездами в качестве второй судебной инстанции, она в глазах большинства воплощала лучшие и наиболее привлекательные свойства всей новой судебной системы, сделавшейся доступной для населения благодаря мировым судьям. Они занимали передовые позиции в разрешении подавляющего числа юридических неопределенностей и олицетворяли собой скорый, правый, милостивый и близкий суд, став главными борцами с правовыми беспомощностью и невежеством, а их камеры в российской глубинке порой представлялись единственным местом, где жители страны могли почувствовать человеческое к себе отношение со стороны власти и найти ее поддержку.

Однако, вступив в конфликт с авторитарным сознанием и бюрократическим аппаратом, реформированный суд стал испытывать атаки правительства и по воле царского законодателя подвергался изменениям, неся ущерб собственному либеральному строению. Охранительная и чрезвычайно противоречивая судебная политика [Wagner] ввергла самодержавие, по словам Р. Уортмана, «в состояние войны с собственной судебной системой» [Уортман, с. 475], одной из выдающихся «побед» которой стала ликвидация в 1889 г. мирового суда, замененного в сельской местности Европейской России судебно-административными учреждениями – земскими начальниками [Macey; Pearson; Wcislo]. Одержав окончательный верх в той войне, вероятнее всего, планировала «муравьевская» комиссия (по имени ее председателя министра юстиции Н. В. Муравьева), трудившаяся в 1894–1899 гг. над пересмотром отечественных судеюстройства и судопроизводства [Baberowski, p. 429–480; Taranovski], а ее отдельные члены во главе с руководителем даже пытались исключить из лексикона само понятие «мировой» [Мировая юстиция, с. 269], предлагая модель организации единоличного суда, искажавшую саму сущность мирового института.

В Сибири он вводился на основании закона 13 мая 1896 г. (первоначально в составе 173 судей) с учетом рекомендаций названной

комиссии [ПСЗ-3, т. 16, № 12932], которые, по свидетельству самого Н. В. Муравьева, «были приняты в соображение» в ходе подготовки сибирского преобразования [Всеподданнейший отчет, с. 5]. Мировые судьи региона не избирались и лишались несменяемости, их назначение всецело зависело от министерского аппарата, а не как раньше в России – от высочайшей власти, функции съездов передавались окружным судам. Особенности географические условия гигантского края и его малонаселенность (обширные северные территории вообще не получили юстицию, и судопроизводством там по-прежнему занималась полиция) диктовали во избежание излишних казенных затрат сибирским мировым судьям, кроме судейской, проделывать работу судебных следователей и нотариусов, выполнять поручения окружных судов, а также выезжать для проведения судебных заседаний в удаленные населенные пункты, когда была необходимость разбирать дела, возникавшие на расстоянии далее 50 верст от судейской камеры. Это подразумевало чрезвычайную подвижность ближайшей к населению судебной системы; для чиновников же постоянные командировки несли существенную нагрузку, отягощенную условиями их чрезвычайно расширенной подсудности, ограниченного штата и материального обеспечения [Крестьянников, 2016, с. 12–16]. Сибирский судебный округ обходился государству на четверть дешевле остальных российских округов [РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 10], а ежегодное содержание здешних мировых судей и размеры их командировочных предусматривались в значительно меньшем размере, чем для аналогичных чинов в некоторых российских провинциях [Крестьянников, 2018, с. 29].

Таким образом, столичные бюрократы обрекли сибирских судей на перегрузки и создали для них невыносимые служебные условия. Введению мирового суда предшествовала внушительная работа по разграничению судебных участков, очень усложнявшаяся из-за предполагаемых разъездов. Лица, управлявшие разделением территорий на участки, в своих директивах полицейским служащим, непосредственно занимавшимся дроблением местностей, попытались выработать необходимые рекомендации. Например, руководители Тобольской губернии советовали:

...избегать учреждения слишком больших участков, поставив обширность участков в известное соотношение к числу возникающих дел, то есть чем больше количество дел, тем меньше должна быть величина участка. Независимо от сего невозможно также включать в один участок местности, отделяемые одна от другой большими реками, горами, тайгой и другими естественными преградами, так как в противном случае, даже при малом количестве дел и не особенно обширных участках, судьи будут лишены возможности исполнять надлежащим образом свои обязанности [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 1–2].

В Забайкальской области начальство предписывало принимать к сведению «обширность пространств между отдельными поселениями», «количество народонаселения», «количество дел, возникающих в районе каждого участка», «удобство путей сообщения» [ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 3. Л. 14]. Отличавшийся дальновидностью томский губернский прокурор А. В. Витте проводил еще более утонченный инструктаж: при дроблении на участки надлежало учитывать судебские «способности и характер, состояние здоровья и семейное положение» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 25 об.].

Полиция ставилась в трудное положение, поскольку условия далеко не всегда позволяли удовлетворять указанным требованиям. Вообще без камеры мирового суда оказались крупные территории, по населенности и протяженности заслуживавшие собственного участка. Примером являлся обширный Нарымский край на севере Томской губернии, простиравшийся на 1500 верст, с населением 20 тыс. чел. [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 14]. А. В. Витте в своем проекте судебно-территориального районирования 1896 г. предполагал установить в Нарыме постоянный судебный офис, однако ограниченный штат не позволил это сделать [ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 15]. Некоторые полицейские чиновники пытались сигнализировать о противоречивости данных им заданий: ялutorовский окружной исправник докладывал тобольскому губернатору Л. М. Князеву, что разделение вверенного ему района на три участка «представлялось крайне затруднительным». В интересах правосудия, по его мнению, была необходимость в пяти участках. Следовательно, мировым судьям грозило увеличение интенсивности разъездов [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 173 об., 207, 369].

Работа сибирской юстиции запускалась 2 июля 1897 г., и, по словам томского адвоката Р. Л. Вейсмана, «крах мирового суда последовал немедленно» [Вейсман, с. 41]. Причиной тому были судебская многофункциональность и ее следствие – разъезды чиновников по зачастую огромным территориям. Типичный сибирский участок, как отмечал служивший в разных частях края М. И. Войтенков, составлял 200 верст радиусом [Войтенков, с. 208]. В Забайкальской области, где ему довелось трудиться мировым судьей [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 29, 32], из оцененных в конце XIX в. Читинским окружным судом 18 участков было всего четыре, где расстояния от камер до границ были меньше указанных названным служащим, зато имелось семь по 400 верст и больше, а один – 700 верст [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 27. Л. 96–97].

Рекогносцировка участков часто делалась с ошибками, поскольку занимающиеся ей чины полиции, сплошь и рядом невежественные и недобросовестные, вряд ли обладали способностью качественно выполнить поручение [Крестьянников, 2013]. В Томской губернии станция Верх-Алейская с населением 2 706 душ обоего пола и несколько инородных местностей близ Каинска оказались не отнесен-

ными ни к одному участку, а значит, лишены всякого правосудия [ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 114, 118, 127, 129]. Результатом халатности становилось наличие участков, мировые судьи которых, чтобы добраться до подведомственного себе района, были вынуждены совершать вояжи по посторонним. В 1898 г. о подобных случаях редакция иркутского «Восточного обозрения» намеревалась даже специально рассказать в заметке, но цензоры запретили ее публиковать [ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–8]; в 1911 г. Благовещенский окружной суд об-суждал похожую ситуацию, когда мировой судья, добираясь до ста-ницы Уруша, был вынужден совершать длительное путешествие че-рез другой участок [Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 924. Л. 67].

Мирового судью села Бердского Томской губернии заставляло совершать лишние разъезды расположение офиса на самой окраине участка, а те населенные пункты, которые располагались географич-ески удобнее, были настолько малонаселенными, что в них даже от-сутствовала полиция. В 1910 г. в той же губернии выделилась новая Славгородская волость, и ее по административным соображениям включили в участок мирового судьи, резиденция которого располагалась в 305 верстах, тогда как ближе на 200 верст постоянно находился другой мировой судья [ГАТО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 109. Л. 33, 36].

Судя по приведенным фактам, на практике давал сбои установлен-ный законом 13 мая 1896 г. порядок, в соответствии с которым разде-ление территорий на участки утверждали губернские и областные ко-митеты, куда входили руководители административных органов, чьи интересы могли не совпадать с потребностями отправления право-судия. Инициативы чинов судебных учреждений, ближе знавших си-туацию и иногда по собственному почину производивших переделы мировых участков, пресекались. Так, один из окружных судов Вос-точной Сибири буквально через несколько месяцев после введения новой юстиции внес изменения в участковое распределение, другой разрешил мировому судье вынести свою камеру за пределы участка. Председатель Иркутской судебной палаты Г. В. Кастриото-Скандер-бек-Дрекалович немедленно сообщил о таких действиях Н. В. Мура-вьеву. Министр признал оба случая нарушением правил, но отреагир-овал мягко, понимая, что члены судебных органов, непосредственно видевшие трудности в организации мирового суда, руководствуются вполне рациональными соображениями. Он лишь порекомендовал впредь в подобных случаях «испрашивать» его разрешение [Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14. Л. 18].

Примечательно, что попытки мировых судей хотя бы обсудить вопросы рационализации разграничения участков могли в конеч-ном итоге выливаться для них в служебные неприятности. В июне 1908 г. Барнаул стал центром судейского съезда для определения способов «более равномерного распределения мировых участков». На совещание приехал за 200 верст на лошадях мировой судья пя-того участка Барнаульского уезда, потративший на путь туда и об-

ратно десять дней. Так как из-за поездки треть месяца оказалась проведенной им непроизводительно и текущие дела накопились, ему пришлось держать ответ перед Томским окружным судом [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 4–5].

Повседневным режимом работы судебных чиновников, если их участки включали местность вне городов, были командировки, информация о которых специально и систематически не собиралась, обнаруживаясь в самых разных источниках в виде фрагментарных сведений. В условиях, когда подведомственные мировым судьям районы охватывали территории, сопоставимые по площади с крупнейшими государствами Европы, передвижения по плохо обустроенным сухопутным дорогам, могучим и не очень сибирским рекам бывали весьма дальними, длительными, связанными с разными опасностями, в том числе с риском невыполнения служебных обязанностей.

Мировой судья с девятилетним стажем В. Н. Анучин утверждал, что каждому такому же, как он, сибирскому служителю Фемиды приходилось пребывать в пути по 60 часов в месяц, проезжая при этом по 500–600 верст [Анучин, № 49/50, с. 28]. По данным Тобольского окружного суда, в 1905 г. подчиненные ему судьи находились в переездах по своему участку в среднем по 45 дней, или приблизительно четыре дня ежемесячно [ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 47–48]. За 1899 г. «исключительно в дороге» судьи Ишимского уезда Тобольской губернии провели от 35 до 60 дней [ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6. Л. 51, 54, 66].

Режим регулярных служебных странствований, имевших целью преодоление расстояний и разнообразных природных преград, по оценке В. Н. Анучина, придавал деятельности сибирских судей «характер скачек с препятствиями» [Анучин, № 51/52, с. 59]. Когда им приходилось выезжать за пределы более-менее освоенного человеком цивилизованного мира, они использовали самые разнообразные средства транспорта и сообщения, вплоть до наиболее традиционных и даже примитивных, очень зависимых от времени года и погодных условий. В районе Якутска летом таковые были представлены лодками и реками, верховой ездой по таежным тропам, иногда – гужевыми повозками по редким наезженным дорогам [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 28]; в баргузинской тайге, где «колесные дороги» попросту отсутствовали, в теплое время года чиновники ездили верхом, а с «ноября по апрель при снеговой зиме в зимних экипажах» по руслу рек [Там же. Ф. 246. Оп. 6. Д. 3. Л. 19]; в первом кузнецком участке на Алтае, чтобы донести правосудие до сибиряков через гористую местность в студеную пору, требовалось встать на лыжи [Там же. Л. 6 об.–7]; судья из поселка Корсаковского на Сахалине в теплый сезон перемещался «морем на пароходах», чаще «случайных», в остальное же время года сообщение либо совершенно прекращалось, либо осуществлялось «на собаках и преимущественно по льду замерзающего у берегов Татарского залива» [Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 24. Л. 57]; мировые судьи с первого по пятый участок Амурской области

обычно пользовались в своих разъездах почтовым трактом, «по которому весной и осенью во время распутицы сообщение происходило исключительно вьюком, зимой же на санях и колесах по берегу и льду реки Амур – смотря по состоянию пути» [Там же. Л. 11 об.].

Бывали комбинированные по задействованному транспорту поездки, в которых сотрудникам юстиции выпадал шанс ощутить весь контраст между технологичными и архаичными средствами передвижения. Один путешественник в своих путевых заметках рассказывал о встрече на пароходе с мировым судьей из села Демьянского Тобольской губернии, совершавшим утомительную командировку на север своего участка для расследования убийства вместе с писарем из волости, где было совершено преступление. Писарь рассказывал, что им предстояло проплыть после высадки с комфортабельного речного судна на каюке еще несколько сотен верст по реке Конде до места происшествия, и с искренним сочувствием восклицал: «Ох, как трудно здесь судьям приходится, какими необъятными участками заведуют судьи в местных краях» [Квитка, с. 39–40].

Разные районы не одинаковой по географическим условиям Сибири представляли свои препятствия для перемещения чиновников. На юге Томской губернии располагался Алтай, мировые судьи которого, по их донесениям, были вынуждены в поездках пересекать «быстрые реки» и горные хребты с «часто размывающимися тяжелыми и опасными перевалами» [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 67 об.]. На равнинном севере той же губернии главную сложность представляли сами расстояния, плохо развитая транспортная система и состояние путей сообщения. Не получивший в ходе реформирования собственного, Нарымский край входил во второй участок Томского уезда, а его судья специальным предписанием Томского окружного суда от 19 ноября 1897 г. обязывался четырежды в год наведываться в северный городок [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 17]. На каждую поездку почти в 500 верст затрачивалось минимум две недели, причем часто они оканчивались безрезультатно. В июне 1903 г. по причине недельного опоздания парохода судья прибыл в Нарым позже назначенных для разбирательств сроков, и люди, вызванные на суд, уже разъехались. В начале лета 1908 г. мировой судья этого участка надолго выключился из графика работы в связи с очередной неудачной поездкой в Нарымский край [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 67. Л. 14–16].

Передвижения по сибирским просторам не сулили комфорта и проходили в дисгармонии с окружающей средой. Скажем, в летних турне в центр нарымской тайги судья сталкивался с полчищами назойливых кровожадных насекомых, когда человеческое состояние было «близко к отчаянию, потому что масса комаров и мошек не дает вам ни минуты покоя, мешает смотреть и свободно дышать» [Волков, с. 3–4]. Вероятно, нередкими бывали встречи служащих с разного рода природными катаклизмами, влиявшими на исполнение ими служебных обязанностей. Однажды мировой судья первого участка

Кузнецкого уезда Томской губернии поехал для производства следствий, но из-за обильных дождей таежные реки смыли все мосты. Чиновник был вынужден вернуться с полдороги, не выполнив намеченных дел [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 7, 10, 17].

Вместе с тем, представляло серьезнейшую проблему обеспечение выездных заседаний мирового суда помещениями, которые и для собственно судебных камер находились в Сибири с огромным трудом. Необходимость экономить заставляла располагать основные офисы в самых непригодных зданиях (например, в Хабаровске под нужды правосудия задействовали заброшенную больницу, «тесную, низкую, холодную и пропитанную больничным запахом» [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 24. Л. 52]), даже если их требовалось арендовать в крупнейшем и наиболее культурном Томске [Крестьянников, 2015, с. 63]. В некоторых частях региона оказывалось, что приехать судье было просто некуда. В первом якутском участке, где разъезды достигали 430 верст, на 1898 г. за пределами областного центра совершенно отсутствовали помещения, в которых были бы возможны заседания. Там в радиусе судебных разъездов в принципе имелось всего четыре дома, удовлетворявших элементарным потребностям отправления правосудия. Якутский судья жаловался, что остальные помещения представляли собой чрезмерно тесные русские избы или «юрты, разделенные внутри не глухими стенами, а лишь перегородками, не доходящими иной раз до потолка», и уверял начальство, что в них отсутствовала возможность «допрашивать свидетелей так, чтобы недопрошенные свидетели не слышали даваемых показаний», а выставлять за порог на время допроса людей «при суровости здешнего климата» считал недопустимым [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 28–29].

Судьи стремились избавиться от хлопотных и в сибирских условиях зачастую бесполезных командировок. Они просились перевести их в участки с меньшими разъездами или вообще без них. В 1909 г. судья первого участка Мариинского уезда Томской губернии К. Е. Стеблин-Каменский, заболев малярией, уговаривал начальство переместить его в один из крупных городов, то есть именно туда, где поездок не предусматривалось [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 24]. Также чиновники иногда просили сузить круг их обязанностей, ссылаясь на обременительность передвижений. Когда в 1909 г. в Западной Сибири вводился суд присяжных [Крестьянников, 2008], некоторые мировые судьи назначались председательствовать в комиссиях по составлению списков присяжных заседателей, и это было особенно тяжело для тех, кто часто совершал служебные поездки. В Тюменском уезде руководить комиссией назначили судью обширного пятого участка, вынужденного постоянно разъезжать. Он незамедлительно сообщил в Тобольский окружной суд о такой несправедливости, ведь рядом были мелкие по протяженности участки, не требовавшие командировок [ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 227. Л. 2–3].

Чтобы совершать меньше выездов, чиновники прибегали к разного рода противозаконным способам. Соккрытие следственных дел под судебными и, наоборот [Гессен, с. 249], пренебрежение той статьей закона 13 мая 1896 г., которая обязывала разбирать дела в ближайших к местам их возникновения селениях [Анучин, № 49/50, с. 30], были обычными для деятельности сибирских судей явлениями. Мировые судьи, уличенные в служебных преступлениях или в медленном рассмотрении дел, часто оправдывали свои действия или бездействие тем, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, было просто невозможно. Например, множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на поездки в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского уезда, а один из них вовсе перестал расследовать преступления [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 31–32; Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 45].

Командировочный режим наверняка влек за собой определенные нравственные деформации. Возмущение жителей села Усть-Сосновского Кузнецкого уезда вызвал факт сожительства здешнего мирового судьи, женатого и имеющего троих детей, с шестнадцатилетней дочерью местного учителя, которая сопровождала чиновника в его служебных переездах по местным деревням [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, 6–8]. В 1901 г. тобольскому губернатору от крестьян одной из волостей поступил анонимный донос с описанием картины судебного процесса, организованного мировым судьей во время приезда: «Более важные дела разбираются в квартире писаря во время выпивки. Судья судит, а волостной писарь объявляет наказание». Тот писарь, Н. А. Успенский, как установила проверка Тобольского губернского жандармского управления,

...устроил у себя в квартире – во флигеле волостного правления – помещение для заезжих начальствующих лиц, симпатиями которых как человек умный и хитрый завладел... В квартире Успенского стали останавливаться мировой судья четвертого участка Тарского уезда Медведев... мировой судья Страхов, который четыре месяца исполнял должность за уволенного в отпуск мирового судью Медведева. Во время приезда кого-либо из этих лиц Успенский в своем помещении для приезжающих устраивал попойки, завоевывая на свою сторону переименованных лиц, столь влиятельных в сельской среде [ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 4–11].

Продиктованные многофункциональностью разъезды и их следствие – служебные перегрузки – были главными причинами чудовищной волокиты, особенно явно ощущавшейся в мировой юстиции обеих – Тобольской и Томской – западносибирских губерний (подчинявшихся Омской судебной палате). Уже в 1898 г. председатель Томского окружного суда Ф. Ф. Депп указывал на то, что количество поступавших к мировым судьям дел было в среднем в два-три раза

больше допустимого [РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 79 об.–81]. В связи с ростом населения и его неравномерным размещением в Сибири к концу первого десятилетия XX в. по проволочкам в мировом суде Томский округ опережал все семь округов Иркутской судебной палаты вместе взятых (в Томской губернии к 1 января 1910 г. числилось нерешенными 35 274 дела, в округах Иркутского, Красноярского, Якутского, Благовещенского, Владивостокского, Читинского и Пограничного судов – 28 806) [Сборник, вып. 25, с. 238–239]. К началу 1911 г. не получилось решить 20 794 дела мировой подсудности в Тобольской губернии, 60 412 – в Томской [Сборник, вып. 26, с. 238–239]. Таким образом, в первой на каждого участкового судью приходилось в среднем по 520 залежавшихся дел, во второй – по 1 185. Исходя из применяемых в России норм (500–600 дел на судью ежегодно) [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 158], это означало, что для завершения только прошлогодних производств, не считая вновь заведенных, мировым судьям Тобольской губернии нужен был год, Томской губернии – два года.

Союзницы волокиты – командировки – определяли трагичность положения сибирской мировой юстиции, вынося суровый приговор опыту судьи-следователя. Но поскольку инициатором эксперимента и убежденным сторонником являлся сам Н. В. Муравьев, от него долго не отказывались, иначе пришлось бы признать недальновидность министра, который 6 апреля 1896 г. в Государственном совете прогнозировал, что «совмещение в одном лице и судьи, и следователя вовсе не грозит в Сибири теми теоретическими трудностями, которые, не вдаваясь вглубь вопроса, обыкновенно выставляют против такого совмещительства» [Отчет, с. 505], а если впоследствии какой-нибудь сибирский мировой судья намеревался встретиться с главой Министерства юстиции, как рассказывал В. Н. Анучин, то его предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно – поставите себе крест; он не выносит такого мнения» [Анучин, № 46/47, с. 36–37]. В такой обстановке никто не решался доводить ходатайства о разделении функций мирового суда до министерских кабинетов.

В доверительной деловой переписке, однако, руководители сибирских судебных учреждений делились самыми негативными отзывами о противоречащем здравому смыслу правиле. Так, 20 мая 1898 г. председатель Якутского окружного суда А. Н. Лубенцов писал Г. В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловичу:

Вследствие продолжительных отлучек, в каких приходится бывать участковым судьям, уезжающим иногда из своего постоянного местопребывания за несколько сот верст по делам мирового разбирательства и для производства предварительных следствий, большая часть населения участка остается без мирового судьи и нотариуса, между тем как в том, так и в другом часто может возникнуть срочная и неотложная необходимость [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. Л. 16–16 об.].

Объединенная судебная, следовательская и нотариальная работа действовала отталкивающе на чиновников. Уже лица из первоначального набора, получившие назначение в край, узнав на месте о необходимости расследовать преступления и о разъездах, отказывались от должностей [Сибирская хроника]. Именно так поступил недавний выпускник юридического факультета Московского университета мировой судья Нижнеудинска Иркутской губернии Н. Н. Большаков. 29 октября 1897 г. он подал на имя председателя Иркутского окружного суда И. И. Гафферберга прошение об отставке, объясняя свое желание уволиться окончательно и бесповоротно оформившимся убеждением, «что созданный для губерний и областей Сибири тип мирового судьи, исполняющего обязанности судьи, судебного следователя и нотариуса, не по его характеру» [ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14. Л. 46–46 об.]. Одним из неутешительных годовых итогов деятельности новой юстиции стало массовое бегство судей со своих участков [Плотников, с. 170], со временем обернувшееся существенным понижением квалификации служащих в сибирском мировом суде [Анучин, № 51–52, с. 61].

Ставшие жертвой необдуманной новации, судьи нередко оказывались просто не в состоянии удовлетворить сибиряков в правосудии. В корреспонденции «Русского богатства» приводился пример крайне негативных последствий разъездов. Из села Братского Иркутской губернии в журнал писали:

В Сибири институт мировых судей введен уже около года, однако наше село еще не видало ни разу своего судьи в камере... Говорят, что местный судья все свое время посвящает обязанности следователя. Район, подлежащий ведению нашего судьи, так велик, дел, переданных ему дореформенными следователями, так много, что, по-видимому, мы не скоро дождемся мирового суда [Плотников, с. 170].

Из жалоб крестьян на юстицию, собранных в 1909 г. в Томской губернии, следовало, что из-за беспорядков, вызванных между прочим поездками чиновников, правосудие в некоторых местностях вообще отсутствовало: годами без рассмотрения лежали уголовные и гражданские дела, ввергая местных жителей в состояние отчаяния и способствуя развитию преступности [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 79–83 об.]. Вообще вследствие недостатков устройства сибирской мировой юстиции, как заявлялось уже с парламентской трибуны столицы, «многие пострадавшие крестьяне, зная, какова будет участь их дела, отказывались обращаться в суд, махая на все безнадежно рукой» [Речи, с. 47].

Подавляющей массе сибиряков приходилось смириться с режимом командировок своего судьи и покорно «ждать его прибытия» [Гессен, с. 249], а наиболее настойчивым оставалось досаждать руководству просьбами установить стационарные судебные офисы.

23 июля 1897 г. бывший городской голова Нарыма К. Прянишников от имени, как он писал, «бедных жителей убогого Нарымского края» просил теперь уже товарища прокурора Иркутской судебной палаты А. В. Витте, и без того прекрасно знавшего о недоступности правосудия на севере Томской губернии, посодействовать в установлении судейской камеры в далеком городе. 8 января 1898 г. уполномоченные горожане решили «ходатайствовать перед правительством» все о том же, и Томское губернское управление поддержало их притязания, передав просьбу в Томский окружной суд. Тот своим определением выразил пожелание перед Н. В. Муравьевым, но на этом процесс остановился [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–14 об., 24, 25 об.]. Не получив собственного судью (местности он очень требовался как нотариус), в 1905 г. рыбопромышленники Нарымского края обратились с просьбой к томскому губернатору В. Н. Азанчевскому-Азанчеву перевести к ним на постоянной основе того, который обслуживал их район, и были в своих доводах по данному вопросу настолько убедительными, что руководитель попросил председателя Томского окружного суда (извилистый карьерный путь на этот пост сейчас определил А. В. Витте) наконец-то удовлетворить прошения. Однако в условиях ограниченных ресурсов судебной власти руководители администрации и юстиции были бессильны чем-либо помочь населению, и показательно, что через четыре года с обстоятельствами отсутствия мирового судьи в Нарыме разбиралась Омская судебная палата [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 29; Д. 67. Л. 14].

После ухода Н. В. Муравьева (был назначен 22 января 1905 г. послом в Италию) [Прощание, с. 77] ситуация с судейскими многофункциональностью и разъездами начала меняться, и в 1910 г. министр юстиции И. Г. Щегловитов в связи с предположением об увеличении штата сибирского мирового суда высказал мысль о необходимости раздробить мировые участки края на участки с мировой подсудностью и участки следственные [ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 1]. Руководителями сибирской системы правосудия эта инициатива была встречена единодушным одобрением. «Соединение в Сибири в одном лице обязанностей мирового судьи и судебного следователя, как показал четырнадцатилетний опыт, дает безусловно отрицательные результаты», – передавал общее мнение восточносибирских судей старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков [ГАИО. Ф. 246. Оп. 9. Д. 1. Л. 6].

Закон 28 мая 1911 г. установил в дополнение к существовавшим 21 должность мирового судьи в Томской губернии, 14 – в Тобольской, девять – в Иркутской, семь – в Енисейской, в областях Приморской и Забайкальской – по шесть [ПСЗ-3. Т. 31. № 35330]. Совсем отказаться от так называемых «смешанных» судебно-следственных участков не удалось, но в некоторых частях края свести к минимуму численность «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей» [А. Х., с. 45] все-таки получилось. В наиболее неблагополучной

в отношении судебного устройства Томской губернии теперь осталось всего четыре участка с судьями-следователями [ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 321. Л. 11, 50–52], тогда как до преобразования их было 38 [ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 162. Л. 11–16]. Мировым судьям оставшихся «смешанных» участков не повезло. Они продолжали совершать командировки для расследования преступлений и по-прежнему испытывали перегрузки. По трем из таких участков в Мариинском и Каинском уездах в архивах отложились некоторые сведения: в двух возникало в два раза больше нормы следственных дел, в одном – в три раза [Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 109. Л. 116 об.].

Таким образом, в Сибири была продемонстрирована полнейшая несостоятельность попыток путем интенсификации разъездов судебных чинов повысить эффективность судопроизводства, сделав суд близким к населению. Полируя шагами палубу парохода, испытывая на прочность полозья саней, протаптывая в сугробах лыжню, отмахиваясь от насекомых и укутываясь, чтобы не получить обморожение, мировые судьи прекращали всякую деятельность по отправлению правосудия. В такие дни-недели-месяцы оно отсутствовало и там, откуда выезжал чиновник, и там, куда он рассчитывал приехать и где для него зачастую отсутствовали нормальные условия. Неминуемыми были некоторые профессиональные и моральные изменения в сознании служащих, поскольку орудиями труда нередко становились не письменные принадлежности, а вожжи и весла, решать приходилось не юридические споры, а вопросы комфорта во время вынужденных путешествий. Порядок командировок, нанеся сокрушительный удар по разным позициям организации судебной системы в целом, приводил к волоките, обрекал служащих на непривлекательные условия существования, ронял престижность службы, понижал качество судебного персонала и его занятий, в конце концов, наносил ущерб авторитету юстиции и государства.

Список литературы

- А. Х. Мировой судья в Сибири // Сибирские вопросы.* 1911. № 5/6. С. 38–45.
Анучин В. Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 46/47. С. 26–39; № 49/50. С. 26–39; № 51/52. С. 54–71.
Вейсман Р. Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4. С. 41–47.
Войтенков М. И. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. 1911. № 4. С. 206–210.
Волков В. Т. Таежные углы Томской губернии. Томск : Типолит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 24 с.
 Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. [СПб. : Сенат. тип., 1897]. 41 с.
 ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 14; Ф. 245. Оп. 1. Д. 8, 10, 24, 27, 924; Ф. 246. Оп. 6. Д. 3; Оп. 9. Д. 1.
 ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6, 233, 321.
 ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861, 869, 875, 904; Ф. 158. Оп. 2. Д. 31, 155, 227; Ф. 479. Оп. 2. Д. 74.

- ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5; Оп. 14. Д. 109; Ф. 10. Оп. 1. Д. 63, 67, 73, 133, 134, 162, 183.
 Гессен И. В. Судебная реформа. СПб. : Типолит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 267 с.
- Квитка М. По рекам Западной Сибири (Из впечатлений поверхностного туриста) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 2. С. 33–40.
- Крестьянников Е. А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отеч. история. 2008. № 4. С. 37–47.
- Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Рос. история. 2013. № 3. С. 84–99.
- Крестьянников Е. А. Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Вопр. истории. 2015. № 10. С. 58–70.
- Крестьянников Е. А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // Вопр. истории. 2016. № 9. С. 3–20.
- Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Рос. история. 2018. № 2. С. 22–34.
- Мировая юстиция в России : создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А. Д. Поповой, С. В. Лонской. М. : Проспект, 2016. 288 с.
- Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. СПб. : Гос. тип., 1896. 825 с.
- Плотников М. Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1898. № 8. С. 165–170.
- Прощание статс-секретаря Н. В. Муравьева с чинами Министерства юстиции // Журн. М-ва юстиции. 1905. № 2. С. 77–92.
- ПСЗ. Собрание третье. Т. 16. № 12932; Т. 31. № 35330.
- РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250, 254.
- Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1909. № 45. С. 44–47.
- Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. Вып. 25. СПб. : Сенат. тип., 1911. 396 с.
- Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. Вып. 26. СПб. : Сенат. тип., 1911. 396 с.
- Сибирская хроника // Вост. обозрение. 1897. 23 июля.
- Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 520 с.
- Баберовски J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im Ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M : Vittorio Klostermann, 1996. 846 S.
- Мэси Д. А. J. The Land Captains : a Note on their Social Composition, 1889–1913 // Russian History. Vol. 16. 1989. No. 2/4. P. 327–351.
- Пирсон Т. S. The Origins of Alexander III's Land Captains : A Reinterpretation // Slavic Rev. Vol. 40. 1981. № 3. P. 384–403.
- Тарановски Т. The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 29. 1981. № 2. P. 161–184.
- Вэгнер В. G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century : A Study in Inconsistencies // Slavonic and East Europ. Rev. Vol. 54. 1976. № 3. P. 371–394.
- Вэйсло Ф. The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority // Russian History. 1988. Vol. 15. № 2/4. P. 285–325.

References

- А. Kh. (1911). Mirovoi sud'ya v Sibiri [Magistrates in Siberia]. In *Sibirskie voprosy*. No. 5/6, pp. 38–45.
- Anuchin, V. N. (1909). Pasyunki Femidy [Themis' Stepchildren]. In *Sibirskie voprosy*. No. 46/47, pp. 26–39; No. 49/50, pp. 26–39; No. 51/52, pp. 54–71.
- Баберовски, J. (1996). *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im Ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt a/M, Vittorio Klostermann. 846 S.

GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 243. List 1. Dos. 14; Stock 245. List 1. Dos. 8, 10, 24, 27, 924; Stock 246. List 6. Dos. 3; List 9. Dos. 1.

GAOO [State Archive of Omsk Region]. Stock 25. List 1. Dos. 6, 233, 321.

GAT [State Archive of Tobolsk]. Stock 152. List 37. Dos. 861, 869, 875, 904; Stock 158. List 2. Dos. 31, 155, 227; Stock 479. List 2. Dos. 74.

GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock 3. List 6. Dos. 5; List 14. Dos. 109; Stock 10. List 1. Dos. 63, 67, 73, 133, 134, 162, 183.

Gessen, I. V. (1905). *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]. St Petersburg, Tipolitografiya F. Vaisberga i P. Gershunina. 267 p.

Krestyannikov, E. A. (2008). Sud prisyazhnykh v dorevolyutsionnoi Sibiri [The Jury Court in Prerevolutionary Siberia]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 37–47.

Krestyannikov, E. A. (2013). Politsiya i politseiskoe sledstvie v Zapadnoi Sibiri (1822–1897 gg.) [Police and Police Investigation in Western Siberia, 1822–1897]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 84–99.

Krestyannikov, E. A. (2015). Pomeshcheniya sudebnykh uchrezhdenii Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v. [Facilities of Judicial Establishments of Western Siberia in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 58–70.

Krestyannikov, E. A. (2016). Stsenarii vvedeniya mirovogo suda v dorevolyutsionnoi Sibiri [Ways of Establishing Magistrates' Courts in Prerevolutionary Siberia]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 3–20.

Krestyannikov, E. A. (2018). Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Judicial Reform in Siberia: Financial Aspects (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 22–34.

Kvitka, M. (1900). Po rekam Zapadnoi Sibiri (Iz vpechatlenii poverkhnostnogo turista) [Along the Rivers of Western Siberia (From the Impressions of a Superficial Tourist)]. In *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoi Rossii*. No. 2, pp. 33–40.

Macey, D. A. J. (1989). The Land Captains : A Note on Their Social Composition, 1889–1913. In *Russian History*. Vol. 16. No. 2/4, pp. 327–351.

Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1895–1896 gg. [Report on the Office of State Council for the Session of 1895–1896]. (1896). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 825 p.

Pearson, T. S. (1981). The Origins of Alexander III's Land Captains : A Reinterpretation. In *Slavic Review*. Vol. 40. No. 3, pp. 384–403.

Plotnikov, M. (1898). Khronika vnutrennei zhizni [A Chronicle of Inner Life]. In *Russkoe bogatstvo*. No. 8, pp. 165–170.

Popova, A. D., Lonskaya, S. V. (Eds.). (2016). *Mirovaya yustitsiya v Rossii : sozдание, deyatel'nost', istoricheskaya missiya* [World Justice in Russia : Creation, Activity, Historical Mission]. Moscow, Prospekt. 288 p.

Proshchanie stats-sekretarya N. V. Murav'eva s chinami Ministerstva yustitsii [State Secretary N. V. Muravyov's Farewell to the Officials of the Ministry of Justice]. (1905). In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 2, pp. 77–92.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. *Sobranie tret'e*. Vol. 16. № 12932; Vol. 31. № 35330.

Rechi sibirskikh deputatov v Gosudarstvennoi dume [Speeches of Siberian Deputies in the State Duma]. (1909). In *Sibirskie voprosy*. No. 45, pp. 44–47.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1405. List 542. Dos. 250, 254.

Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii za 1909 g. [Collection of Statistical Information of the Ministry of Justice for 1909]. (1911). Iss. 25. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 396 p.

Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii za 1910 g. [Collection of Statistical Information of the Ministry of Justice for 1910]. (1911). Iss. 26. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 396 p.

Sibirskaya khronika [Siberian Chronicle]. (1897). In *Vostochnoe obozrenie*. July 23.

Taranovski, T. (1981). The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 29. No. 2, pp. 161–184.

Voitenkov, M. I. (1911). Mirovoi sud'ya v Sibiri i Zabaikal'e [Magistrates in Siberia and Transbaikalia]. In *Pravo*. No. 4, pp. 206–210.

Volkov, V. T. (1898). *Taezhnye ugly Tomskoi gubernii* [Taiga Parts of Tomsk Province]. Tomsk, Tipolitografiya M. N. Kononova i I. F. Skulimovskogo. 24 p.

Vsepoddanneishii otchet ministra yustitsii za 1896 g. [The Most Generic Report of the Minister of Justice for 1896]. (1897). [St Petersburg, Senatskaya tipografiya]. 41 p.

Wagner, W. G. (1976). Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century : A Study in Inconsistencies. In *Slavonic and East European Review*. Vol. 54, No. 3, pp. 371–394.

Wcislo, F. (1988). The Land Captain Reform of 1889 and the Reassertion of Unrestricted Autocratic Authority. In *Russian History*. Vol. 15. No. 2/4, pp. 285–325.

Weisman, R. L. (1908). Yarkie nedostatki sibirskogo suda [Significant Disadvantages of the Siberian Court]. In *Sibirskie voprosy*. No. 3/4, pp. 41–47.

Wortman, R. S. (2004). *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [Sovereigns and Judges: The Development of Legal Consciousness in Imperial Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 520 p.

The article was submitted on 25.05.2018